

Ахматова М. А.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

В данной статье рассматриваются семантические и функциональные особенности фразеологизмов, которые встречаются в текстах карачаево-балкарского нартского эпоса. Фразеологизмы карачаево-балкарского эпического дискурса обладают высокой степенью антропоцентричности. Они содержат информацию о национально-специфических особенностях восприятия действительности, а также точно передают и показывают специфику национального характера. Большинство «эпических» фразеологизмов ориентированы на репрезентацию различных релевантных понятий таких как время, мышление, речь и др. Некоторые фразеологизмы в текстах эпоса репрезентируют физиологическое состояние человека, возрастные особенности лица, состояния окружающей среды, также небезынтересны фразеологические единицы релятивного плана, выражающие идею отношения. Входящие в их состав слова, в основном соматизмы и глагольные лексемы, способствуют отражению определенного сегмента фразеологической модели мира, являющейся частью языковой картины мира.

Ключевые слова: *нартский эпос, соматизмы, фразеология, антропоцентричность, локализатор.*

В тюркском языкознании фразеологии традиционно уделяется большое внимание. Языковеды-тюркологи достигли значительных успехов в структурно-семантической интерпретации фразеологических единиц на материале различных тюркских языков, что имеет непосредственное отношение и к карачаево-балкарскому языку (Хуболов, 1997). На современном этапе развития тюркского языкознания лингвисты начали акцентировать свое внимание и на проблемах, связанных с языковой картиной мира, которая достаточно тесно связана с фразеологическим уровнем языка (Раемгужина, 2000: 22). Дело в том, что во фразеологии закодирован когнитивно-аксиологический опыт этноса. Фразеология представляет собой средство репрезентации этого опыта из поколения в поколение, причем в наиболее образной форме отражает внутренний и внешний мир этноса, его мировосприятие и ментальные характеристики. В этой связи следует согласиться с Р. Х. Хайруллиной, которая считает, что семантическое пространство языка зиждется на образной интеграции свойств и аксиологических характеристик предметов, действий и конкретных ситуаций объективного мира (Хайруллина, 2005: 53).

Фразеологизмы, наличествующие в карачаево-балкарском нартском эпосе, свидетельствуют в пользу того, что карачаево-балкарский язык, как и другие языки, этнокультурно маркирован. В них сосредоточено образное мировидение этноса, зафиксированы экстралингвистические факты, воззрения на окружающий мир и представления о нем. Именно фразеологические единицы чаще всего содержат компоненты значения, кодирующие информацию о национально-специфических особенностях восприятия действительности, наиболее ярко и точно передают, и показывают специфику национального характера. А это дает возможность интерпретировать эпическую фразеологию как «культурно-маркированный значимый конструкт этномифологической картины мира» (Ахматова, Кетенчиев, 2014: 85).

В целом система образов, зафиксированная во фразеологии карачаево-балкарского языка, обусловлена особенностями материальной, социальной и духовной культуры, и свидетельствует о ее национально-культурном опыте и традициях. Фразеологические единицы являются одним из способов передачи национальных стереотипов – сложившихся представлений о моральных, умственных, физических качествах, которые свойственны представителям различных этносов. При этом можно констатировать то, что фразеология в целом «представ-

ляет собой значимый культурно-семиотический фрагмент, который эксплицирует исторические, культурные, философские, социальные и иные знания народа, полученные в результате познавательной деятельности» (Башиева, Кетенчиев, 2014: 43).

На сегодняшний день не вызывает сомнений тот факт, что «в языке в большинстве своем закрепляются и фразеологизируются те аспекты, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами. Они как раз и формируют значение ФЕ...» (Маслова, 2007: 87). Фразеологические единицы, отражая в своей семантике процесс развития культуры народа, фиксируют и ретранслируют определенные культурные установки.

Изучая имеющееся многообразие этноспецифичных языковых картин мира, специалисты в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии правомерно приходят к выводу о том, что национальные особенности языка – факт достоверный. По В. В. Воробьеву, язык неотделим от культуры, и как одно из свойств языкового коллектива, его «социального взаимодействия», предстает как основной вид отражения и бытия национальной культуры (Воробьев, 1996: 17).

Большая часть фразеологизмов карачаево-балкарского нартского эпоса сохранили следы этнической культуры, исторического прошлого народа. Для их анализа необходимо рассмотрение внутренней формы и национально-культурной коннотации. С одной стороны, во фразеологизмах эпического текста обнаруживается явный денотативный план, репрезентирующий специфические реалии карачаево-балкарской культуры, с другой – эта культурная информация представлена через эмотивно-оценочное и образное основание.

В целом большинство «эпических» фразеологизмов аккумулируют в себе мысли, отмеченные культурно-национальным колоритом: *бир аууз кир этейим* «слегка закушу» (букв.: немного посорю во рту), *тили бла жалайды* «облизывает языком», *кёзюмю ауузума къандырды* букв.: сделал так, чтобы я съел свой глаз и др. Они ориентированы на репрезентацию различных релевантных понятий: а) времени – *кёз жумгьунчу* «в мгновение ока»; б) пространства – *кёз кёрген* «горизонт, небосклон»; в) мышления – *сагъышха киргенди* «впал в думы»; г) речи – *аузуна тюшдю* «попал на язык» и др. Текстовые примеры: *Кёз жумгьунчу, жетди ол узакъ жерге* «В мгновение ока он далекой земли достиг»; *Экинчиде жибергенде, кёз кёргенден аудургьанды* «Толкнул во второй раз – забросил его в невидимую даль» и т.п.

Провести границу между внутренними и внешними признаками фразеологических единиц, вербализующих тот или иной концепт, не всегда легко, а некоторые имеют внутренний и внешний признак одновременно.

Рассмотрим семантические особенности фразеологических единиц, употребляющихся в карачаево-балкарском эпическом тексте. В карачаево-балкарском нартском эпосе функционирует целый ряд фразеологических единиц и других устойчивых сочетаний, участвующих в вербализации чувств, явлений, способов эмоционального воздействия, характеристик человека и т.д., а также отражающих различные сферы жизни человека. Для отражения эмоций и чувств в «наивной картине мира», как явствует из специальной лингвистической литературы, употребительны фразеологические конструкции, вбирающие в свой состав так называемые «локализаторы», к которым в первую очередь относятся *жан* // *кёл* «душа», *жюрек* «сердце» и др. (Кетенчиев, 2010б: 126). Подобные соматически ориентированные фразеологические конструкции насквозь антропоцентричны и характеризуются полисемантической. При этом у них превалирует значение психологического состояния. Поскольку эпический текст изобилует фрагментами, нацеленными на описание противоборствующих сторон, то в нем часто встречаются конструкции, выражающие злобное состояние персонажей: *ачыудан жюреги толгьанды, жюреги арсар болуп, эки кёзюне къан чапханды, жанындан тояргъа, къашлары тюйюлдюле, кёл этгенди, бети къаралды* и др. Текстовые примеры: *Къарашауай кёл этгенди, алашаны къантаргьанды* «Карашауай решился, алашу он расседлал»; *Шырданни буруну салынды, къашлары тюйюлдюле, бети къаралды* «Шырдан повесил нос, у него насупились брови, и потемнело лицо»; – *Бу мен билген, мен ашагъан этлеге ушамайды, – деп, жюреги*

арсар болуп, ашамай, къатынына: – *Бизни этибиз жокъ эди, этни ким бергенди?* – *деп сорады* «Это мясо совсем не похоже ни на одно мясо, которое я когда-либо ел, – засомневался он и спросил у жены: – У нас же не было свежего мяса, откуда это мясо?»; *Аны алтын чачыны бир жартысы юзюлюп, къаласыны къадаууна къысылып тургъанын кёргенди, эки кёзюне къан чабып, элине эмегенле кирип, болгъанны сюрюп, ашап кетгенин билгенди* «У него (от гнева) потемнело в глазах, когда он увидел привязанную к засову крепости часть ее золотых волос. Он понял, что на его страну напали эмегены, которые одних съели, а других забрали с собой»; – *Сизден да бездим, жанымдан да тойдум! Бар, къыз, жыккырда баи жартыны ал да кел, – дегенди анасы къызына* «–Вы мне сильно надоели! Иди, дочка, принеси половину головы, лежащей в бочке, – сказала мать дочери» и т.п. Локализаторами злости в данных конструкциях выступают соматизмы *бурун* «нос», *къашла* «брови», *бет* «лицо», *жан* «душа», *кёзле* «глаза». Их употребление обусловлено тем, что состояние злости человека в силу внешнего проявления и внутренних переживаний легко считывается с лица человека, т.е. не следует сбрасывать со счетов невербальные маркеры состояния, в частности мимику и состояние отдельных частей тела.

Некоторые фразеологизмы ориентированы на репрезентацию физиологического состояния человека (*жан кирди* «оживиться»), например, *Ачы тилли Гилястырхан къаласындан тюшюп, Рачыкъауу ёлюсюне жууукъ келип, аны юсюнден кюбесин тешерге тебирегенлей, Рачыкъаугъа жан кирип, секирип ёрге туруп, къылычны чыгъаргъанды* «Злоязычный Гилястырхан спустился из своей крепости, подошел близко к труп Рачыкау и только стал снимать с него кольчугу, как Рачыкау ожил, вскочил и вытащил свою саблю». Данный микротекст передает процесс оживления одного из героев эпоса. В состав представленного фразеологизма входит слово *жан* «душа», которое сочетается с глаголом *кир-* «входить». Примыкают к данной группе и конструкции, обозначающие возрастные особенности лица: *Алай бла кёп заман ётеди. Алауган да къартха тартады* «Так прошло немало времени. Алауган состарился (без жены)». Ср. также пример *Къоз бла кийик эт ашап, энтта бир жыл озады. Алай жигит алыкъа къанат къатдырмагъанын кёргюзтеди* «Питаюсь орехами и мясом диких животных, он еще год провел там. Однако она (Матчалау) увидела, что джигит еще недостаточно окреп и возмужал». В данном примере физиологическое состояние персонажа ассоциируется с окрепшими крыльями, т.е. в языковом сознании карачаевцев и балкарцев крепкие крылья – это признак здоровья и возмужания. Есть также специализированная фразеологическая единица, ориентированная на выражение слабости: – *Ой, харип, сен а не этеме дейсе, къой, аякъ тюнде къалып эзилirse, – дедиле* «Ой, бедняга, а ты, что будешь делать? Останься, еще под ногами окажешься, раздавят, – смеялись, издеваясь над ним». В данном случае слабость ассоциируется с тем, что человек может оказаться под ногами другого множества и быть раздавленным.

Хоть и редко в эпическом тексте встречаются фразеологические единицы, ориентированные на репрезентацию состояния окружающей среды: *Асыры къарангылыкъ къысхандан, кёзню кёзге урсанг кёрюнемзча болду* «Наступила такая кромешная тьма, что ни зги не видно».

В контексте данного исследования небезынтересны фразеологические единицы релятивного плана, выражающие идею отношения: а) уважительное отношение (*жаны киби кёргенди, жаныбыз санга къурман болсун*): *Жаныбыз санга къурман болсун, туугъан балабыздан кем кёрлюк туюлюбюз, – деп, тилегендиле экиси да* «Чтобы наша душа была твоей жертвой, мы будем относиться к тебе не хуже, чем к родному сыну, – попросили они вдвоем»; *Ёрюзмек аны жаны киби кёргенди* «Ёрюзмек души в нем (Генжетай) не чаял»; *Жашны тулпарлыгъы аны кёллюне жарады* «Богатырская сила юноши пришлась ему по душе»; б) вражду (*суулары сюзюлмейди*): *Ала (нартла) къарыулула, батырла болгъандыла, эмегенле бла бир заманда да суулары сюзюлмегенди* «Они (нарты) были сильными, храбрыми и всегда вели борьбу с эмегенами»; в) месть: – *Аха! – дегенди Гилястан, – Кёзюмю ауузума къандырды Шырдан!* «– Ох! – воскликнул Гилястан, – Шырдан (сделал так, что) я собственный глаз съел» и др.

В ряде случаев имеет место вербализация социального состояния (повиновения): *Бу былай этген, ол артха аяп турган экиси оюнларын этселе, бизден кьаллык жокьду, – айтханларын этерге бой салгандыла* «Если этот способен на такое, то те двое, которых они оставили на потом, когда покажут свои игры, из нас никого не оставят в живых, – решили они и во всем стали повиноваться нартам». В предложении *Халкь термилед баи уругьа, бир кёрюнчю, Элия! Хурс-Халында сенсиз кьууанч эталмайбыз, Элия!* «Народ жаждет (тебе) поклониться, покажись же, Элия! В Хурс-Халы и той не в радость без тебя, Элия!» также реализуется идея подчинения. Но оно сопряжено с языческими представлениями этноса, в частности с поклонением богу молнии.

Наряду с рассмотренными выше конструкциями встречаются предложения, содержащие в своем составе фразеологизмы, репрезентирующие различные когнитивные характеристики лица и его действия:

а) физическое воздействие: *Алып салтаны ургьанды, тёшюн, темирин да кюл этип кьойгьанды* «Когда он ударил (этим) молотом (по наковальне), и наковальня и железо превратились в пепел. А мы от (страха) выбежали наружу, – сказали нарты»; *Сен манга кенгешинги бермей, кьамичини бердинг* «А ты, вместо того, чтобы посоветоваться со мной, ударил плетью»; *Ура, бере кёз кёрмегге бардыла, тик кьаягьа жетип, ёшюн урдула* «Долго скакали, в неоглядные дали уехали, достигнув крутой скалы, (Гемуда) грудью ее ударил»;

б) психологическое воздействие: *Мен аланы кьанларын кёп бузгьанма, кёплерини кьарыларында сынагьанма сюнжюмю жютюлюжюн, – дейди* «Я много крови им попортил. На многих из них я испытал остроту своего копья»;

в) речевое воздействие: *Бу сабийлени быллай сёзлери Алауганнга ётгенди* «Эти слова детей очень задели Алаугана»;

г) мышление: *Бу сёзле Сосурукьну жюрегине тюшюн, эсинде кьалгьандыла* «Эти слова глубоко запали в душу Сосурука». *Ол сыбызгьыны тартып тебиресе, кёз кьакьмай кьарагьандыла, солумай тынгылагьандыла* «Когда он играл на свирели, люди слушали, не отрывая (от него) глаз, затаив дыхание»;

д) оценка: – *Сен атанг Алауганны уланы болгьанынга, атауулунгу бетин чыгьарлыкь нарт пелиуан болурунга да энди ийнандым, – деди* «– Теперь я поверил, что ты – сын Алаугана, и, что из тебя выйдет нартский пехлеван и ты прославишь наш род, – сказал»;

е) поведение: – *Кьоркьмазгьа ант этген эдим, антыма ёлдюм, – деди* «– Я же поклялся ничего не бояться и вот теперь нарушил свою клятву, – огорчился он»;

ж) черта характера: *Алай, кёзюнг кьыйып, кьызгьанмай эсенг, Рачыкау ючюн да бир кьой союн, бир четен лёкьум юлешсенг, ол да бек иги боллукь эди, – деди* «Да, было бы очень хорошо, если бы ты сделал поминки и по Рачыкау: не жалея, от всей души зарезал бы еще одного барана (и раздал бы людям его мясо) и одну корзину локумов».

Таким образом, рассмотренный здесь фактологический материал свидетельствует о том, что фразеологизмы в карачаево-балкарском нартском эпосе обладают высокой степенью антропоцентричности, поскольку они репрезентируют «архетипические представления социума» (Кетенчиев, 2010а: 314) и отражают человека во всем многообразии его проявлений. Входящие в их состав слова, в основном соматизмы и глагольные лексемы, вкупе способствуют отражению определенного сегмента фразеологической модели мира, являющейся частью языковой картины мира, базирующейся на «наивном» восприятии окружающей действительности.

Список литературы

Ахматова М. А., Кетенчиев М. Б. Концепт «путь» как конструкт этнической языковой картины мира (на материале карачаево-балкарского нартского эпоса) // Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 5 (73). – С. 79–86.

- Башиева С. К., Кетенчиев М. Б. Концепт «огонь» как фрагмент этнической картины мира // Cuadernos de Rusística Española. – 2014. – № 10. – P. 37–44.
- Воробьев В. В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1996. – 395 с.
- Кетенчиев М. Б. Вербализация деятельности в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010а. – №12. – С. 311–315.
- Кетенчиев М. Б. Структурно-семантическая организация простого предложения в карачаево-балкарском языке. – М.: Поматур, 2010б. – 274 с.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 208 с.
- Раемгужина З. М. Языковая картина мира в башкирской фразеологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2000. – 22 с.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры». 1996. – 288 с.
- Хайруллина Р. Х. Лингвистика межкультурных коммуникаций. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2005. – 138 с.
- Хуболов С. М. Формально-семантические модели односторонних фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 1997. – 22 с.

Ахматова М. А., кандидат филологических наук, доцент.

Институт истории, филологии и средств массовой информации Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова.

Ул. Чернышевского, 173, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия, 360004.

E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.08.2017

Akhmatova M. A.

FUNCTIONAL-SEMANTIC POTENTIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN KARACHAY-BALKAR NART EPIC

This article deals with the semantic and functional features of phraseological units that occur in the texts of the Karachay-Balkar Nart epic. The phraseological units of Karachay-Balkar epic discourse have a high degree of anthropocentricity. They contain information about the national-specific features of the perception of reality, and accurately convey and show the specificity of the national character. Most «epic» phraseological units are oriented to the representation of various relevant concepts such as time, thinking, speech, etc. Some phraseological units in the epic texts represent the physiological state of a person, the age features of a person, the state of the environment, and the phraseological units of the relational plan expressing the idea of a relationship are also of interest. The words included in them, mainly somatisms and verbal lexemes, contribute to the reflection of a certain segment of the phraseological model of the world, which is part of the linguistic picture of the world.

Key words: *nart epic, somatisms, phraseology, anthropocentrism, localizer.*

References

- Ahmatova M. A., Ketenchiev M. B. Koncept «put'» kak konstrukt jetnicheskoy jazykovoy kartiny mira (na materiale karachaevo-balkarskogo nart'skogo jeposa) [Concept «way» as a construct of the ethnic language picture of the world (on the material of the Karachay-Balkarian Nart epic)] // Vestnik VJeGU. – 2014. – № 5 (73). – P. 79–86. (in Russian)
- Bashieva S. K., Ketenchiev M. B. Koncept «ogon'» kak fragment jetnicheskoy kartiny mira [Concept «fire» as a fragment of the ethnic picture of the world] // Cuadernos de Rusística Española. – 2014. – № 10. – P. 37–44.
- Vorob'ev V. V. Teoreticheskie i prikladnye aspekty lingvokulturologii [Theoretical and applied aspects of linguoculturology]: dis. ... d-ra filol. nauk. – М., 1996. – 395 s. (in Russian)

Ketenchiev M. B. Verbalizacija dejatel'nosti v karachaevo-balkarskom jazyke [Verbalization of activity in Karachay-Balkar language] // Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki. – 2010a. – № 12. – P. 311–315. (in Russian)

Ketenchiev M. B. Strukturno-semantičeskaja organizacija prostogo predložženija v karachaevo-balkarskom jazyke [Structural-semantic organization of a simple sentence in the Karachay-Balkar language]. – M.: Pomatur, 2010b. – 274 s. (in Russian)

Maslova V. A. Lingvokul'turologija: učeb. posobie dlja stud. vyssh. učeb. zavedenij [Cultural linguistics: Textbook. Allowance for stud. Supreme. Training. Institutions]. – M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2007. – 208 s. (in Russian)

Raemguzhina Z. M. Jazykovaja kartina mira v bashkirskoj frazeologii [The language picture of the world in the Bashkir phraseology]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ufa, 2000. – 22 s. (in Russian)

Telija V. N. Russkaja frazeologija. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. – M.: Shkola «Jazyki ruskoj kul'tury». 1996. – 288 s. (in Russian)

Hajrullina R. H. Lingvistika mezhkul'turnyh kommunikacij [Linguistics of intercultural communications]. – Ufa: Izd-vo BGPU, 2005. – 138 s. (in Russian)

Hubolov S. M. Formal'no-semantičeskije modeli odnomestnyh frazeologizirovannyh predložženij v karachaevo-balkarskom jazyke [Formal-semantic models of single-phraseological sentences in Karachay-Balkar language] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Nal'čik, 1997. – 22 s. (in Russian)

Akhmatova M. A., Candidate of Philology, Associate Professor.

**Institute of History, Philology and Media of the Kabardino-Balkarian State University
named after Kh. M. Berbekov.**

Ul. Chernyshevsky, 173, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russia, 360004.

E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru